

ФИЛОСОФИЯ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Материалы Международной научной конференции

Минск, 10–11 октября 2013 г.

Best philosophical ideas improve humanity
Лучшие философские идеи на благо человечества

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Государственное научное учреждение
«Институт философии НАН Беларуси»

**ФИЛОСОФИЯ
И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Материалы Международной научной конференции

Минск, 10—11 октября 2013 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2013

УДК 130.2(06)
ББК 71.0я43
Ф56

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *П. В. Кикель*;
доктор социологических наук, профессор *Д. К. Безнюк*

Редакционная коллегия:

доктор философских наук, заведующий кафедрой философии
и методологии науки ФФСН БГУ, профессор *А. И. Зеленков*;
кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии
культуры ФФСН БГУ, доцент *А. А. Легчилин*;
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
и методологии науки ФФСН БГУ *В. Т. Новиков*

**Философия и ценности современной культуры : материалы
Ф56** Международной научной конф., Минск, 10—11 окт. 2013 г. / Бело-
рус. гос. ун-т; редкол. А. И. Зеленков [и др.]. — Минск : Изд.
центр БГУ, 2013. — 416 с.
ISBN 978-985-553-166-2.

Сборник включает материалы докладов и выступлений участников Между-
дународной научной конференции «Философия и ценности современной куль-
туры». В издании представлены результаты исследований философов, социоло-
гов, экономистов, историков, культурологов, правоведов и политологов по
актуальным проблемам социально-гуманитарных наук.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам и студен-
там учебных заведений, а также всем, кто интересуется философским осмысле-
нием ценностей современной культуры.

УДК 130.2(06)
ББК 71.0я43

ISBN 978-985-553-166-2

© Оформление. РУП «Издательский
центр БГУ», 2013

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И САКРАЛЬНАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я.Л. Коломинский, Е.Л. Малиновский, г. Минск, Беларусь

Совокупность учебной информации часто ставит под удар само человеческое участие в ней. Отсюда и психологическое представление о человеке так успешно обходится без него, как жена, которая муж «слепила из того, что было», то есть из *образовательных* смыслов без самого *образа* творца. По известному прогнозу М. Фуко, «Взрыв» европейскую культуру с начала XVI века, – можно быть уверенным, что

человек в ней изобретение недавнее, и конец его, быть может, недалек. Если эти диспозиции исчезнут, как они некогда появились, если какое-либо событие разрушит их, как разрушена была она в конце XVIII века, тогда можно поручиться, — человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [1]. Какова культура классического мышления? Что за диспозиции удерживают человека от исчезновения? Рациональный ответ на эти вопросы очевиден. В эпоху Просвещения разум человека измерялся треугольной *cogito ergo sum* или мистическое «достижение Бога в опыте» школы Аквината, картезианский *Discurse la method* как психологическая рефлексия *cogito ergo sum* Рене Декарта, герменевтика или искусство толкования Фр. Шлейермахера в виде интерпретации и понимания Священных текстов как жизненной философии. Если метафизические и религиозные понятия о Боге в несколько не выражают Его сущности, то сама добродетель является нравственной силой, обуславливающей образование различных благ [2]. Триангуляция рационального познания, эмоционального опыта и религиозного поведения служила инструментом психологической культуры и нравственного благополучия человека. Этот человек и получил своё специфическое имя *homo sapiens*, которым Карл Линней выделил, а Георг Гегель затем возглавил высшую номенклатуру — «все действительное разумно, все разумное действительно». Соединив именем Иисуса духовное значение и культурные смыслы Гегель не ограничил жизнь законами диалектики, но исполнил её ценностью романтического отношения к женщине. После нормативно религиозного осмысления любви Мартином Лютером, Гегель стал исключительным философом супружеского счастья вопреки «повивальным правилам» Сократа, а свидетельством индивидуальности Духа он поставил оптимистическую точку в развитии классического мышления.

В течение девятнадцатого и двадцатого столетий картина существенно изменилась. Последующее неклассическое «многообразие» осмысления веры, надежды и любви основывается на элиминации их сакрального, вдохновенного значения. Попытку примирить веру и разум, надежду и тревогу, страдание и сущность как «чистую» духовность в абстракции семьи и брака не оставляли «целибаты от философии» и несостоявшиеся семьянины А. Шопенгауэр и С. Кьеркегор, Фр. Ницше и В. С. Соловьев, Фр. Кафка и М. Борхес. В своем стремлении «создать истину» без любви модернизм был лишен поддержки Бога: «Мы только одно из Его плохих настроений» (Фр. Кафка). И хотя Израиль все еще воспринимался как сакральная семья

или община, пессимизм межличностных отношений уже исходна, с одной стороны, из романтической любви, обреченной на страдания телесного естества вне религиозного права. С другой стороны, межличностные отношения стали позитивом атеизма. Оправдание эволюционной гипотезой и классовыми противоречиями давало человеку «право» рассматривать брак и межличностные отношения как «идеологическую надстройку» на материальном «базисе общественно-экономической формации». Так, гегелевский индивидуальный Дух стал «обреченным, – по К. Марксу, – звуковой материей слова», а сама жизнь стала стиснутым «способом существования белковых тел» (Ф. Энгельс). С третьей, собственно, психологической позиции, свободная творческая интерпретация священных текстов была реконструирована в критическую герменевтику, которая стремилась реабилитировать, по И. Дильтею, всемирный Дух исторических событий и внешних явлений путём *интроспекции* как личностного «вживания».

Таким образом, неклассическая наука в своем исходе от счастливого брака Гегеля с «жизнеутверждающим способом» элиминировала его диалектику любви противоположностей и рали «метафизики переживания» одиноких художников, гегельянски неудачных в браке, зато признанных всем миром философия искусства, мотивированная поиском иррациональных начал, по тому же взгляду старого холостяка Артура Шопенгауэра, лишая ту же самую религиозную мотивацию протестантских «рационалистов», этих «честных людей», но «плоских ребят» [3]. Однако в начале XX века эклектика брачно-религиозной подоплеку в суждениях о психологии Дж. Джойса создает «не плоские» уникально интимные переплетения, на основе которых структурируется «религия текста» как самой по себе рожденной автономной реальности из «молчания девушки» [4]. При всей многоплановости эта реальность являет собой целостность, или личную текстовому абсолюту, который, не входя в противоречие, не соотносится ни с кем. В этом отношении, роман Джойса «Улисс» представляет не только символом всего мира, но и наглядным пособием по овладению методом *потока сознания*, ассоциируемый психологами с именем У. Джеймса. Начало Израиля в шествии Авраама и Сарры и его завершение в XX веке парой еврея Блума и неверной ему жены Молли – есть воплощение межличностных отношений сакральной цивилизации. В романе 18 эпизодов, что не может обойтись без ассоциации опрометчивого пути «6+6+6», представленного в восемнадцатом стихе из тринадцатой главы Апокалипсиса [5]. Одиссея «в конце Любви» [4] представляет собой схему-интерьер Дублина. *Блуждание* (лат. *discuro*) Улисса по городу собственного тела локализует его «интерьер». При

ном, *пляж* локализует мужской монолог, сопряженный с созерцанием «всеобщей» женщины – Молли-Пенелопы. В то же время *креветка* – место индукции женского монолога – от чистоты и ясности ложится в балдахин, оборками до любовных сцен и беременностей. Наконец, Вавилонская фантазмагория монологов в «однажды как тысячу лет» [5] Дублина благополучно завершается желанием беременности и брачной готовностью к диалогу: «да, я хочу да» [4]. Точка монолога *absit nomen* (лат., *имя опустим*) возникает *сакрально* диалогичная цивилизация Любви, само имя которой означает выход из экзистенциального тупика.

Диалогическим обрамлением диспозиций постмодерна к цивилизации Любви были созданы условия для актуализации сакральных значений в психологической культуре. Образовательный парадокс как раз включает в себя теоретическую меру *всего* и конкретную персонажей как носителей абстракций. «Все, что распространяется на весь мир, несет противоречие» – смысл структурного психоанализа Ж. Лакан видит в «соотношении субъекта и всей системой символического – этой совершенно своеобразной, отграниченной от сфер реального и воображаемого областью, с которой человек постоянно имеет дело, и которая конституирует саму человеческую реальность» [6]. Поэтому «научить вести беседу «ни о чем», – по мнению В.М. Аллахвердова, – несомненно, более важная и продуктивная задача, чем беседу «на тему», в силу явной искусственности и практической неприменимости последней» [7]. Скромная поступь «слона» под лающий фон задорного «американоведа» проектирует переход от тематической индукции к сакральной дедукции. «Вначале было слово» [5] – вот «новая как хорошо забытая старая» диспозиция психологической культуры в тестировано замкнутом киберпространстве.

Литература:

1. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сад, 1994.
2. Шлейермахер, Фр. Герменевтика / Фридрих Шлейермахер. – СПб.: «Европейский Дом», 2004.
3. Ялом, И.Д. Шопенгауэр как лекарство / Ирвин Дэвид Ялом. – М.: ЭКСМО, 2006.
4. Джойс, Дж. Улисс : роман / Джеймс Джойс – М.: Эксмо, 2010.
5. Священное Писание Ветхого и Нового Завета : Библия. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1989.
6. Лакан, Ж. О бессмыслице и структуре бога / Московский психотерапевтический журнал : теоретико-аналитическое издание – январь-март 2002. №1.
7. Аллахвердов, В.М. Легендарный А.М. Зимичев / В.М. Аллахвердов, А.И. Вагулин // Методология и история психологии. Том 3. Выпуск 2, 2008.